

А. А. ЗЛАТОПОЛЬСКАЯ

**Проблема общественного договора
в зеркале русской мысли века Екатерины
Восприятие идей Руссо и Монтескье**

Эпоха Екатерины II — время активного усвоения и переработки идей французского Просвещения, в частности идей Руссо и Монтескье. Как же воспринимались идеи «женевского гражданина» и автора «Духа законов» в ином культурном контексте, в иных исторических условиях?

Казалось бы, концепция Руссо должна вызвать неприятие у дворянских идеологов. И действительно, например, Екатерина II резко отрицательно относилась к теориям «женевского гражданина»*. Однако в целом отношение к Руссо в среде дворянских мыслителей было положительным. Сложилась своеобразная интеллектуальная мода на идеи Руссо. В рамках интеллектуальной моды наиболее радикальные идеи воспринимаются таким образом, что входят в сложившийся мировоззренческий багаж, не меняя его кардинально, то есть воспринимаются, во-первых, выборочно, а во-вторых, интерпретируются так, что становятся частью установившейся системы воззрений. В то же время, под влиянием этих идей в воззрениях дворянских мыслителей появляются либеральные или даже демократические мотивы.

В XVIII веке произведения Руссо и Монтескье пользуются большой популярностью, выходит много переводов.

В это время были переведены и напечатаны практически все главные произведения Руссо и многие произведения Монтескье. Из трактатов Руссо были опубликованы двумя изданиями в

* Кобеко, Д. Ф. Екатерина II и Жан Жак Руссо // Исторический вестник. — 1883. — Июнь.

переводе П. Потемкина ¹ «Рассуждение о науках и искусствах» (в 1768 и в 1787 гг.) и «Рассуждение о происхождении неравенства между людьми» (1770 и 1782 годы), причем вторые издания этих трактатов были напечатаны в Университетской типографии у Н. И. Новикова («Рассуждение о науках и искусствах» было издано еще раз в 1792 году в переводе Юдина). Также дважды переводилась близкая по своей проблематике к «Общественному договору» статья «О политической экономии» (в 1777 и в 1787 году), в 1771 году издано «Сокращение, сделанное Ж. Ж. Руссо из проекта о вечном мире, сочиненное аббатом де Сент-Пьером». Кроме того, издавались сборники отрывков из произведений Руссо. Это «О блаженстве» (М., 1781), «О самопроизвольной смерти» (в журнале «Академические известия». Ч. IV, 1780 г.). В XIX веке были опубликованы «Мысли Ж. Ж. Руссо о различных материях» (СПб., 1800–1801), «Дух, или избранные мысли Ж. Ж. Руссо» двумя изданиями 1801 года и 1822 года, а также «Мысли Ж. Ж. Руссо, женевского философа» также двумя изданиями, 1804 и 1825 года. Издавались и другие произведения Руссо. Это «Письмо Руссо к Вольтеру» («Собрание лучших сочинений», 1762. Ч. IV), Ж. Ж. Руссо «О самоубийстве» («Приятное и полезное», 1794. Ч. II), Руссо Ж. Ж. «О нищих» («От всего помаленьку», 1782. № 1), Руссо Ж. Ж. «О любви к Отечеству» («Собрание новостей», 1776, май). Были опубликованы письма Руссо («Новые письма Ж. Ж. Руссо». СПб, 1783). Таким образом, все основные философские и социально-политические произведения Руссо были переведены, издавались и переиздавались. Однако в этом списке нет печатного перевода «Общественного договора», и, как мы увидим, рассматривая отношение к Руссо Екатерины II, это не случайно. Только в начале XIX века появляются опубликованные отрывки из «Общественного договора» в сборнике «Мысли Ж. Ж. Руссо, женевского философа», отрывки, имеющие республиканский характер. И сборник «Дух, или избранные мысли Ж. Ж. Руссо» (перевод И. Мартынова, СПб., 1801; 2-е издание СПб., 1822), и сборник «Мысли Ж. Ж. Руссо, женевского философа» (перевод М. Прокоповича, М., 1804; 2-е издание 1825) являются переводами из издания «Les pensées des J. J. Rousseau, citoyen de Genève» (Amsterdam, 1763), однако и в том, и в другом русском переводе воспроизведен не весь амстердамский сборник. В сборнике «Мысли Ж. Ж. Руссо, женевского философа» появляются отрывки из «Общественного договора» по следующим темам: «Народы», «Правительство»,

«Государь и государство», «Законодатель», «Закон», «Деспотизм», «Свобода», «Зависимость», где излагается основное идейное содержание «Общественного договора» — учение о договоре ассоциации и суверенитете народа. В связи с этим в сборнике появляются явные антимонархические, республиканские мотивы, в частности, цитируется характеристика, данная женевским гражданином монархии в сравнении с республикой: «Стоит только взглянуть на гордость дворян в монархических правлениях: с каким напряжением произносят они сии слова *услуга* и *служить*... Сколько они презирают Республиканцев, которые только пользуются одной Свободою, и кои подлинно благороднее их»*. Однако эти отрывки опубликованы только в начале XIX века, и то только в одном из сборников отрывков из произведений Руссо. В другом сборнике, также являющемся переводом амстердамского издания, сборнике «Дух, или избранные мысли Ж. Ж. Руссо» переводятся отрывки из «Эмиля», а из «Общественного договора» переводятся максимы, не противоречащие учению Монтескье о монархии как о государстве, основанном на *чести*, где должно быть сильное дворянское сословие. Поэтому автор перевода (И. Мартынов) из «Общественного договора» выбирает следующий отрывок, характеризующий руссоистское отношение гражданина и государства, отрывок, который можно интерпретировать в системе координат государственного служения и дворянской чести, главной характеристикой которой и является это государственное служение: «Человек естественный живет весь для себя: он есть числительная единица, целое, имеющее отношение только к самому себе или подобному себе. Человек гражданский есть дробное число, зависящее от знаменателя, которое есть общественное тело. Хорошие общественные учреждения суть те, которые умеют наилучшим образом переменить человека, отнять у него независимое бытие дабы дать ему относительное и перенести *я* в общую единицу, так чтобы каждый частный человек не почитал уже себя одним, но частью единицы и был бы только ощутительным в целом»**.

Однако в XVIII веке «Общественный договор» не переводился, хотя был хорошо известен, читался в подлиннике. Как

* Мысли Ж. Ж. Руссо, женевского философа / Пер. М. Прокоповича. — М., 1804. — С. 183.

** Дух или избранные мысли Ж. Ж. Руссо / Пер. И. Мартынова. — СПб., 1801. — С. 33.

уже отмечал исследователь, «осведомленность в иностранной литературе была настолько общей, что переводная литература свидетельствовала скорее о запросах провинциального дворянства и купечества»*. Также, по распоряжению Екатерины II, был запрещен ввоз в Россию «Эмиля» по религиозным мотивам, однако в XVIII веке перевод «Исповедания веры савойского викария» вышел в свет без указания имени переводчика под названием «Размышление о величестве божием, его промысле и человеке». Предположительно, переводчиком являлся С. Башилов.

Издавались довольно активно и произведения Монтескье². В 1769 г. был издан сборник его произведений, в 1770 году опубликован «Храм книдийский». Первый том «Духа законов» под названием «О разуме законов, сочинение г. Монтескюя» был издан в 1775 и в 1801 годах, «Персидские письма» опубликованы в 1789 и в 1792 годах. Печатались произведения Монтескье и в журналах. Отрывки из «Персидских писем» были опубликованы в 1782 году в журнале «Утро», в «Барышке всякой всячины» было опубликовано «Слово, говоренное Монтескье за избрание его в члены французской академии 24 января 1728 года» (1770), в «Утреннем свете» его «Разговор с Честерфильдом», в «Московском журнале» — «Лисимах». Как и в случае с Руссо, все же переводились главным образом морально-этические рассуждения и художественные произведения. Знакомство же с идеями Руссо, в первую очередь, началось с «Рассуждения о неравенстве» и «Рассуждения о науках и искусствах». Анализируя трактаты «женевского гражданина», авторы чаще всего не соглашались с идеями Руссо о вреде наук и искусств. Этой точки зрения придерживались такие различные мыслители, как П. С. Потемкин, Н. М. Карамзин, Н. И. Новиков, А. Н. Радищев. И здесь явно отражается общее для всех русских мыслителей ощущение главной задачи: необходимо просвещение России, необходимо «в просвещении стать с веком наравне». Можно сказать, что в России идеологи самых различных направлений еще не чувствуют всей противоречивости и неоднозначности последствий просвещения и науки для человека, которую начинают осознавать на Западе. В то же время, под влиянием «Рассуждения о науках и искусствах» и «Рассуждения о неравенстве» создаются романы-утопии. Это,

* Кучеров, А. Я. Французская революция и русская литература XVIII века // XVIII век. — М.; Л., 1935.

например, «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» В. Левшина (1784), «Дикий человек, смеющийся учености и нравам нынешнего света» П. Богдановича (1781), «Кадм и Гармония», «Полидор, сын Кадма и Гармонии» М. М. Хераскова, «Арфаксад, халдейская повесть» П. Захарьина.

Идеология и политика «просвещенного абсолютизма» явилась катализатором живого обсуждения вопроса о пределах и источниках власти монарха, об общественном договоре, чему способствовало восприятие политических и социальных идей Руссо и Монтескье, «Общественного договора» и «О духе законов», влияние этих произведений и полемика с ними.

Можно выделить две интерпретации понятия общественного договора.

1) Общественный договор как договор подчинения народа правителю. Законодательная власть при этом принадлежит правителю. Народ не имеет суверенитета.

Для обоснования договора подчинения народа правителю использовались и идеи Монтескье, пример здесь подала императрица. По Монтескье, для монархии и аристократической республики характерен договор подчинения народа правителю или нескольким семействам, которые выступают в качестве правителя. Только в демократической республике суверенитет принадлежит всему народу.

2) Интерпретация «Общественного договора» как договора ассоциации, договора народа с самим собой. Законодательная, верховная власть при этом полностью принадлежит народу. Такое понимание общественного договора характерно для Руссо.

Однако концепция народного суверенитета Ж. Ж. Руссо противоречива. С одной стороны, Руссо отталкивается от интересов личности, требует ее освобождения. Недаром в «Общественном договоре» он ставит задачу: «Найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всею общею силою личность и имущество каждого из членов ассоциации и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде»*. А с другой — для Руссо добродетель гражданина может возникнуть только при подавлении естественных склонностей, поэтому в той же главе «Общественного договора» он требует выполнения следующего

* Руссо, Ж. Ж. Трактаты. — М., 1969. — С. 160.

условия: «Полное отчуждение каждого из членов ассоциации со всеми его правами в пользу всей общины»*. Государство «общей воли» для Руссо есть «политическое тело», гражданин должен подчиняться общей воле как своей собственной. Это противоречие «женевский гражданин» видит и пытается разрешить ссылкой на то, что государство народного суверенитета образовано в результате договора ассоциации, следовательно, и его законы — воплощение общей воли — выражают действительно свободную волю индивида, его подлинные интересы, в отличие от интересов сиюминутных, неподлинных. Однако здесь Руссо подстерегает новая трудность. Частные интересы отдельных людей часто не совпадают с интересами целого, частная воля отнюдь не всегда совпадает с общей. Даже все вместе люди не всегда выбирают свои коренные, подлинные интересы, тем более могут не распознать их те, кто только что сбросил цепи рабства и не имеет привычки к свободе, кто непросвещен и не знает, что такое истинная свобода и его истинная воля. В связи с этим Руссо различает «общую волю», выражающую действительные интересы народа, и «волю всех», выступающую лишь суммой частных волеизъявлений и характеризующую только какие-либо настроения толпы. В основе законов лежит общая воля народа. В результате попыток дать критерий различения общей воли и воли всех Руссо приходит к мысли о необходимости для народа законодателя, который сверхъестественным образом видит действительно общую волю народа и благодаря этому творит законы данного государства. И хотя Руссо оговаривает, что принимает эти законы в конечном счете народ-суверен, безусловно, фигура законодателя противоречит концепции народного суверенитета.

Внутренняя противоречивость концепции «общей воли» обнаружила свои трагические результаты при применении ее на практике уже в эпоху Великой Французской революции, когда «законодатели» с помощью террора хотели сделать из населения страны добродетельных граждан, подчинить их «общей воле», то есть своим представлениям об этой воле.

Понимая общественный договор как договор подчинения, многие представители русской мысли, несмотря на знакомство с просветительскими идеями, традиционно рассматривают власть монарха как неограниченную, самодержавную. Государство срав-

* Там же. — С. 161.

нивается с семьей, а монарх представляется отцом семейства. Но далее в рамках традиционного подхода, обосновывая необходимость самодержавия, они зачастую ссылаются на идеи французских просветителей. Новые идеи входят в сложившуюся мировоззренческую систему и ассимилируются ею. Так, Потемкин, ссылаясь на Руссо, обосновывает необходимость неограниченной самодержавной власти и договора подчинения. Идеям «Общественного договора» он противопоставляет идеи «Рассуждения о происхождении неравенства между людьми», истолкованные так, чтобы оправдать самодержавие. Потемкин считает, как и Руссо, что, выходя из естественного состояния, люди вступают в состояние войны друг против друга. Подобно Руссо, он полагает, что во избежание этой всеобщей войны люди заключают общественный договор, образуют государство. Но государство общественного договора, государство, в котором законы выработаны людьми, объединившимися в общество, не смогло прекратить эту войну. Война была прекращена только тогда, когда «нужда заставила избрать обществу единого правителя, которому власть всенародно препоручена стала»*. Эта схема Потемкина похожа на соответствующие рассуждения Руссо, но в то же время коренным образом от них отличается. У Руссо неравенство — несчастье человеческого рода — увеличилось с возникновением самодержавной деспотической власти. У Потемкина же, наоборот, люди несчастны, когда они подчиняются законам, установленным ими же, а наиболее счастливыми являются люди в общественном состоянии под властью самодержавного правителя. В отличие от точки зрения Руссо, по которой государство, возникшее в условиях неравенства, является результатом заговора богачей, у Потемкина богатые и бедные равно желают установления единоначалия, оно на пользу тем и другим. «Сильные, желая чрез сие иметь способы к отличению себя в предпочтении, склонились отдать жребии свои в руки властителя, а притесняемые, желая воспользоваться правами для защищения себя, предались охотно во власть избранного ими начальника. Сим образом коварство и притеснение купно постановили престол»**.

* Потемкин, П. Предисловие // Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми, сочиненное господином Ж. Ж. Руссо. — М., 1770.

** Там же.

Сближая идеи Руссо и Монтескье, считает, что в обширных государствах возможна только монархическая форма правления, И. В. Лопухин. Но, говоря о монархии, он, по терминологии Монтескье, говорит о деспотии, так как власть монарха неограничена.

Однако под влиянием произведений Монтескье все чаще имеет место представление о монархе, который должен соблюдать законы.

Д. И. Фонвизин использует как «Общественный договор», так и идеи «Духа законов» для обоснования своего идеала монархического государства, основанного на «непременных государственных законах». О суверенитете народа у Фонвизина, как и у Потемкина, не могло быть и речи, нет речи и о суверенитете дворянства, которое представляет, по мысли Фонвизина, «почтеннейшее из всех состояний, долженствующее оборонять отечество купно с государем и корпусом своим представлять нацию»*. Источник законодательной власти — монарх. Но в результате таким образом истолкованного договора государство у Фонвизина, как и в «Общественном договоре», превращается в «политическое тело», т. е. Фонвизин, подобно Руссо, при всей противоречивости их идейных позиций, считает необходимым, чтобы государство было единым организмом. Но если у Руссо «общая воля», суверенная власть народа объединяет граждан, то у Фонвизина государь — «душа правимого им общества»** с помощью «непременных государственных законов» достигает того, что государство становится «политическим телом».

Попытка демократической интерпретации общественного договора была предпринята, хотя, как мы увидим, непоследовательно и робко, Я. П. Козельским³. Находясь под влиянием Гельвеция, Козельский подчеркивает, что люди действуют прежде всего ради своего интереса. Поэтому они и заключают общественный договор. Как и Руссо, Козельский считает, что договор заключается с согласия всех договаривающихся, что он может быть расторгнут. Но, несмотря на демократические моменты в трактовке общественного договора, Козельский прежде всего считает его договором подчинения. И в противоречии со своей собственной трактовкой общественного договора он затем утверждает, ссылаясь на Руссо, но в действительности полностью

* Фонвизин, Д. И. Собрание сочинений. — Т. 2. — М.; Л., 1959. — С. 266.

** Там же.

искажая его мысль, что «господин Руссо говорит между людьми повеление одного и послушание сперва начало получили свое от силы, а потом, как они уже к тому привыкли, то для возможного благополучия человеческого рода остается правящим его судьбою основывать свои действия на праведных и верноисполняемых договорах»*. В понимании форм исполнительной власти он также опирается на учение Руссо. Перечисляя эти формы, приведенные Руссо в «Общественном договоре», Козельский, исходя из особенностей понимания им общественного договора как договора между правителем и народом, где народ подчиняется правителю, сближает определение этих форм, данное Руссо, с определением Монтескье. Тем самым, суверенитетом народ обладает лишь при демократической форме правления, как у Монтескье, к которой Козельский относится явно неодобрительно. Для больших областей Козельский, ссылаясь на Монтескье (но безусловно имея в виду и Руссо), считает необходимым установление монархии. В отличие от Лопухина, Козельский, в согласии с Монтескье и Руссо, считает, что монархической является та власть, где государь правит в соответствии с законами, но в отличие от Руссо, эти законы не вырабатываются народом. Осуждая, как будто в соответствии со взглядами Руссо, наследственную аристократию и считая наилучшей формой аристократию выборную, Козельский в действительности приходит в прямое противоречие с воззрениями Руссо по этому вопросу. Аристократия, обладающая как законодательной, так и исполнительной властью, превращается, с одной стороны, в своеобразный корпус представителей народа, дающий народу законы, а с другой стороны, ее можно рассматривать и как своеобразную форму деспотии.

Близок в решении вопроса о форме исполнительной власти в России к Козельскому Д. И. Фонвизин. Это также власть монарха, основанная на законах, которые он сам устанавливает. И в то же время эти законы должны действовать на пользу нации, с которой у монарха заключен договор. Но каким образом монарх, власть которого неограниченна, может создавать законы на пользу нации?

* Козельский, Я. П. *Философические предложения // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. — Т. 1. — М., 1952. — С. 524.*

Для обоснования этого положения Фонвизин использует религиозные аргументы, в частности аргументацию Руссо, который утверждал в «Исповедании веры савойского викария», что, так как бог всемогущ, он должен быть всеблагим, творить только благо. «Благость есть необходимое следствие безграничного могущества... Кто все может, тот может желать лишь того, что благо»*. Уподобляя неограниченного монарха богу, Фонвизин считает, что «все сияние престола есть пустой блеск, когда добродетель не сидит на нем вместе с государем, но вообразя его таковым, которого ум и сердце столько были б превосходны, чтоб никогда не удалялся от общего блага и чтоб сему правилу подчинил все свои намерения и деяния, кто может подумать, чтоб сею подчиненностью беспредельная власть его ограничилась. Нет, она есть одного свойства со властью существа вышнего. Бог потому и всемогущ, что не может делать ничего другого, кроме блага»**.

Концепция монархии, основанной на законах, создана под влиянием Руссо и Монтескье, но, безусловно, толчок появлению этой концепции во многом дал «Наказ» Екатерины II. Екатерина, по ее словам, «обокрала президента Монтескье». И действительно, как было показано исследователями «Наказа» (Чечулиным, Тарановским), многие статьи «Наказа» почти дословно повторяют соответствующие положения Монтескье. Однако, как указывал уже Тарановский: «В “Наказе” “природа” монархического государства прилагается к обширной Российской империи, причем принципы закономерного правления сочетаются с таким оправданием абсолютной власти государя, которое признается у Монтескье одним из отличительных свойств деспотического правления»***. Как указывал в своей неопубликованной работе В. Е. Вальденберг, термин «деспотия» (*autorite despotique*) у Монтескье Екатерина заменяет на «*autorite souveraine*». Термином же «*souverain*» Монтескье обозначал любую власть. Таким образом, как отмечал В. Е. Вальденберг, Екатерина «обесцветила мысль Монтескье»****. Монтескье признавал «посредствующей властью»

* Руссо, Ж. Ж. Эмиль. — М., 1911. — С. 412.

** Фонвизин, Д. И. Собрание сочинений. — Т. 2. — С. 254–255.

*** Тарановский, Ф. В. Судьба «Наказа» имп. Екатерины II во Франции // Журнал Министерства юстиции. — 1912. — № 1. — С. 126.

**** См.: Вальденберг, В. Е. Екатерина II и Монтескье // ПФ АРАН (Петербургский филиал архива Российской Академии наук). — Ф. 346. — Оп. 1. — Ед. хр. 4.

в монархии сословия, особенно дворянство. То же мы видим у Фонвизина. Екатерина отнюдь не признавала за дворянством «посредствующей власти».

Для «Наказа», как и для всей деятельности Екатерины, характерна резкая полемика с идеями Руссо, в частности с мнением женева гражданина о ненужности и вредности реформ Петра. Жан Жак писал в «Общественном договоре»: «Юность не детство. У народов, как и у людей существует пора юности или, если хотите, зрелости, которой следует дожидаться, прежде чем подчинять их законам. Но наступление зрелости у народа не всегда легко распознать; если же ввести законы преждевременно, то весь труд пропал... Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись цивилизации чересчур рано. Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того что творит и создает все из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту. Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества... Он хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских. Он помешал своим подданным стать когда-нибудь тем, чем они могли бы стать, убедив, их, что они были тем, чем они не являются. Так наставник-француз воспитывает своего питомца, чтобы тот блистал в детстве, а затем навсегда остался ничтожеством. Российская империя пожелает покорить Европу и сама будет покорена. Татары, ее подданные или ее соседи, станут ее, как и нашими, повелителями. Переворот этот кажется мне неизбежным. Все короли Европы сообщают ему приближению» *. Екатерина писала в ответ на это: «Я отвечу на предсказание Жан Жака Руссо, давая ему, доколе буду жива, очень невежливое опровержение» **.

В «Наказе» статья 6 главы I «Россия есть Европейская держава» и статья 7 «Доказательство сему следующее. Перемены, которые в России предпринял Петр Великий тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходились с климатом и принесены были к нам смешением разных народов и завоеванием чуждых областей. Петр I, вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе, нашел тогда такие удобства,

* Руссо, Ж. Ж. Трактаты. — С. 183.

** Цит. по: Кобеко, Д.Н. Екатерина II и Ж. Ж. Руссо. — С. 612.

каких он и сам не ожидал»^{*} являются прямым опровержением приведенных выше строк Руссо. Для полемики с идеями Руссо Екатерина использует идеи Монтескье о роли климата, связи климата с формой правления. В дальнейшем Екатерина прямо связывает идеи Руссо с воззрениями Радищева, с практикой Французской революции. Ее безусловно отталкивает республиканизм Руссо. Однако «Наказ» Екатерины, основанный на идеях Монтескье, вступал в резкое противоречие с ее политической практикой. В частности статья «Наказа», посвященная равенству («Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были одним и тем же законам»^{**}), резко контрастировала с практикой усиления крепостного права. Политика просвещенного абсолютизма была глубоко противоречива, и одна из причин этого противоречия — трудность воплощения, абстрактных теорий в жизнь. Екатерина это хорошо понимала. В частности, в беседе с Сегюром⁴ она отмечала, говоря о проектах Дидро: «Я долго беседовала с Дидро, но более из любопытства, чем с пользой. Если бы я ему поверила, то пришлось бы преобразовывать всю мою империю, уничтожать законодательство, правительство, политику и финансы и заменить их несбыточными мечтами»^{***}. Идеи Монтескье казались Екатерине менее абстрактными, лучше согласовывались с ее системой взглядов, с дворянской идеологией в целом.

Подлинно демократическое истолкование общественного договора как договора ассоциации, а не подчинения дал А. Н. Радищев. Такое истолкование мы видим уже в примечании Радищева к «Размышлениям о греческой истории» Мабли⁵. Как указывает Г. А. Гуковский, «можно сказать, что примечание Радищева является конспектом “Общественного договора” Руссо, причем Радищев уловил действительно основные узловые положения Руссо»^{****}. Впервые в России появился мыслитель, который, как и Руссо, считал, что общественный договор — это договор народа с самим собой, договор ассоциации, что монархическая власть — это только власть исполнительная, власть, порученная

* Наказ императрицы Екатерины II. — СПб., 1907. — С. 2–3.

** Там же. — С. 8.

*** Сегюр, Л. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). — СПб., 1865.

**** Радищев, А. Н. Полное собрание сочинений. — Т. 2. — М.; Л., 1941. — С. 412.

народом государю (в дальнейшем в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев вообще считает, что обеспечить суверенитет народа может только республика). Надо заметить, что Радищев был не одинок в такой трактовке общественного договора. Под влиянием Радищева была произнесена проповедь П. А. Словцова⁶, проникнутая вольнолюбивыми идеями. Словцов, так же, как и Радищев, использует идею Руссо о подлинном общественном договоре как договоре ассоциации. Перефразируя мысль Руссо, высказанную им в главе V книги I «Общественного договора», Словцов пишет: «Правда, что спокойствие следует из повиновения, но от повиновения до согласия столько же расстояния, сколько от невольника до гражданина»^{*}.

Свое понимание проблемы исполнительной власти Радищев, пожалуй, наиболее полно выразил в знаменитом наброске, где он говорит, что Руссо, «не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие»^{**}.

Слова Радищева о насилии имеют основание в воззрениях «жюневского гражданина». Отношение Руссо к монархии двойственно. Если в главе «О законе» «Общественного договора» он отмечает, что монархия, если суверенитет, законодательная власть находится в руках народа, может быть государством общественного договора, служить на благо народа, быть своеобразной республикой с постоянным президентом, то в главе «О монархии» он дает такую ее характеристику, которая может быть выражена словом, употребляемым Радищевым, — «насилие». Теоретически возможная монархия-республика практически превращается в монархию-деспотию.

Уже в примечании к переводу «Размышлений о греческой истории» Мабли Радищев выступает против тех строк «Наказа», где говорилось, что власть государя самодержавна. В данном примечании Радищев в духе рассуждений Руссо о монархии-республике отделяет деспотизм (самодержавие) от собственно монархии. Однако в дальнейшем он считает формой исполнительной

^{*} Словцов, П. А. Поучение при случае торжества бракосочетания Его Высочества Великого князя Александра Павловича с Елизаветою Алексеевною, княжною Баденскою // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. — М., 1873. — Июль-сентябрь. — Кн. 3. — С. 151.

^{**} Радищев, А. Н. Полн. собр. соч. — Т. 3. — М.; Л., 1952. — С. 47.

власти, обеспечивающей суверенитет народа, только республику. Критикуя монархические иллюзии Руссо, Радищев принимает предпосылки, исходя из которых Руссо приходит к признанию необходимости монархии в большом государстве. Он разделяет мнение Руссо, что в большом государстве слабее связь между гражданами и они являются менее свободными. Перефразируя «Общественный договор» он пишет в оде «Вольность»:

«Но дале чем источник власти,
Слабее членов тем союз,
Между собой все чужды части,
Всяк тяжесть ощущает уз»*.

В «Общественном договоре»: «Чем более растягивается связь общественная, тем более она слабеет, и вообще государство малое относительно сильнее большого... Чем больше растет государство, тем больше сокращается свобода»**.

И в результате формой правления в обширных государствах является монархия, которая нарушает общественный договор. Но это не единственная возможность, считает Радищев. Обширное государство в результате революции разделяется на несколько малых государств, образующих федерацию республик. Есть мысль о федерации и у Руссо, но преобладает у него понимание формы исполнительной власти в большом государстве как монархии, и, очевидно, наибольшее влияние на Радищева в вопросе о федеративном устройстве государства оказал не Руссо, а Гельвеций и Монтескье. Спорит Радищев с Руссо и по вопросу о влиянии климата на формы правления. Радищев не соглашается с Руссо, который считает, что для холодных стран, подобных России, возможно только «варварство». По мнению Радищева, Россия в результате революции может стать государством общественного договора с республиканской формой правления.

Под влиянием опыта Американской и Французской революций Радищев делает из концепции суверенитета народа Руссо революционные выводы. Причем с одной стороны, Радищев более радикален и революционен, чем Руссо но, с другой стороны, он ставит под влиянием условий России в практическую плоскость те проблемы, которые у Руссо рассматривались только теоретически.

* Радищев, А. Н. Полн. собр. соч. — Т. 1. — М.; Л., 1938. — С. 15.

** Руссо, Ж. Ж. Трактаты. — С. 184, 193.

Руссо признает право народа на революцию, если исполнительная власть нарушает права народа-суверена. В «Рассуждении о происхождении неравенства» он пишет: «Восстание, которое приводит к убийству или свержению с престола какого-нибудь султана, — это акт столь же закономерный, как и те акты, посредством которых он только что распоряжался жизнью и имуществом своих подданных. Одной только силой он держался, одна только сила его и низвергает. Все, таким образом, идет своим естественным путем^{*}. Но Радищев в своих размышлениях о революции гораздо последовательнее Руссо. Руссо, провозгласив неизбежность, закономерность революции, все же непоследователен. Уже в «Рассуждении о происхождении неравенства» он замечает: «Какова бы ни была развязка сих быстрых и частых переворотов, никто не может жаловаться на несправедливость других»^{**}, то есть не обязательно результатом революции будет установление государства общественного договора. Еще резче подчеркивает Руссо это положение в самом «Общественном договоре». Говоря о праве народа на расторжение общественного договора, он в то же время отступает от своей мысли о революции как о «естественном законе». Он считает, что революции — «это исключения, причина которых лежит в особой природе такого государства»^{***}. Для Радищева же происходит постоянный круговорот: вольность сменяется рабством, рабство — вольностью.

Эта концепция оптимистичнее размышлений Руссо о неизбежном упадке государств, которые ничто не сможет возродить. Радищев представляет революцию более конкретно, чем Руссо в соответствии с реалиями России: это будет крестьянское восстание, крестьянская революция.

Однако кровавый пугачевский бунт, так не похожий на восстание граждан против деспотизма, заставил Радищева поставить вопрос о соотношении абстрактной теории и реальной жизни. Тот же вопрос вставал перед мыслителем противоположной идейной ориентации — Екатериной, хотя решение этой проблемы, безусловно, было противоположным.

Частным случаем этой проблемы являлось для Радищева постановка вопроса об общей воле и воле всех, что совершенно не

* Там же. — С. 96.

** Там же.

*** Там же. — С. 183.

характерно для Екатерины, отрицающей концепцию суверенитета народа. Размышляя о соотношении общей воли и воли всех, Радищев пытается синтезировать воззрения Руссо и Гельвеция. Для него свободными гражданами являются крестьяне, понявшие свои подлинные интересы и на основе этого восстающие против деспотизма, когда же на бунт поднимаются рабы, не воспринявшие революционного просвещения, то они только воспроизводят ситуацию рабства. Таковы участники пугачевского бунта. Поэтому Радищев осуждает восстание под предводительством Пугачева, хотя в «Путешествии» он считает, что завоюют свободу сами угнетенные земледельцы, но в далеком будущем. Для Радищева просвещение крестьян сравнительно нетрудно, так как просветительские идеи соответствуют их подлинным интересам. И в этом больше сказывается школа Гельвеция, чем идеи Руссо; для Радищева не нужен законодатель, вещающий от имени Провидения — воздействия на разум людей достаточно. В воззрениях Радищева общая воля и воля всех более близки, чем в теории Руссо.

Однако якобинский террор, события французской революции опрокинули просветительский оптимизм автора «Путешествия из Петербурга в Москву», показали абстрактность революционного просветительства, привели самого Радищева к тяжелому духовному кризису.

Таким образом, восприятие идей Руссо и Монтескье помогало в поиске путей разрешения важнейших вопросов, стоящих перед русской общественной мыслью.

Залевк (VII в. до н. э.) — ученик (и раб) Пифагора, известен как законодатель Локр Эпизефирских в Нижней Италии, считается автором древнейших писанных законов Античного мира.

²³ Имеется ввиду знакомое Монтеस्कье издание “*Etat présent de la grande Russie ou Moscovie. Chez André Cailleau*” (Paris 1718). Русский перевод появился с большим опозданием (Пери, Д. Состояние России при нынешнем царе. В отношении многих великих и замечательных дел его по части приготовления к устройству флота, установления нового порядка в армии, преобразования народа и разных улучшений края / Пер. О. М. Дондуковой-Корсаковой // Чтения императорского Общества Истории и Древностей Российских. — М., 1871. — № 1).

Джон Перри — см. примеч. 2 к статье Ф. Г. Штрубе де Пирмонт.

²⁴ «*Да и вообще смертная казнь в отечестве нашем издавна отменена*» — это написано всего спустя четыре года после казни декабристов в Петропавловской крепости, о которой знала вся столичная и московская публика.

²⁵ *Генерал-рекетмейстер* — см. примеч. 3 к статье Ф. Г. Штрубе де Пирмонт.

Алла Августовна Златопольская (род. 1949)

Кандидат философских наук, специалист по философии Руссо и Вольтера, старший научный сотрудник Центра изучения эпохи Просвещения — Библиотеки Вольтера (Отдел редкой книги Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург). Автор-составитель томов серии “*Pro et Contra*”, посвященных П. Я. Чаадаеву, Ж.-Ж. Руссо и Вольтеру.

А. А. Златопольская

Проблема Общественного договора в зеркале русской мысли века Екатерины. Восприятие идей Руссо и Монтеस्कье

Печатается по: Златопольская, А. А. Проблема Общественного договора в зеркале русской мысли века Екатерины. Восприятие идей Руссо и Монтеस्कье // *Философский век: Альманах*. — Вып. 11. Екатерина и ее время: Современный взгляд / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. — СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1999. — С. 52–65.

¹ *Павел Сергеевич Потёмкин* (1743–1796) — русский военный и государственный деятель, поэт-любитель, автор ряда стихотворных произведений, философских трактатов и переводов.

² См. подробнее во вступительной статье к антологии.

³ *Яков Павлович Козельский* (1729–1794) — русский философ, просветитель, переводчик, писатель, педагог и политический деятель. Автор одного из первых систематических трудов по философии на русском литературном языке «Философические предложения» (1768), посвященного императрице Екатерине Великой.

⁴ *Луи Филипп, граф де Сегюр* (1753–1830) — французский историк и дипломат, посол Франции при дворе российской императрицы Екатерины II (1784–1789).

⁵ *Габриэль Бонно де Мабли*, также *Аббат Мабли* (1709–1785) — французский социальный философ, автор многих работ по международному праву, социально-политическим вопросам и истории.

⁶ *Петр Андреевич Словцов* (1767–1843?) — историк Сибири и поэт, автор многочисленных трудов по краеведению.

Фаина Абрамовна Коган-Бернштейн (1899–1976)

Советский историк, переводчик, доктор исторических наук, профессор. Автор работ по истории общественной мысли Средневековья и начала Нового времени.

Ф. А. Коган-Бернштейн

Влияние идей Монтескье в России в XVIII веке

Печатается по: Коган-Бернштейн, Ф. А. Влияние идей Монтескье в России в XVIII веке // Вопросы истории. — 1955. — № 5. — С. 99–110.

¹ *Жан Боден* (1529/30–1596) — французский политик и историк, юрист, член парламента Парижа и профессор права в Тулузе, известен также как борец с колдовством.

² Данное письмо публикуется в настоящей антологии.

³ Дж. Перри пришлось столкнуться с произволом и медлительностью русских чиновников и вельмож. — См. о нем: примеч. 2 к статье Ф. Г. Штрубе де Пирмонт.

⁴ *Октавиан* (1712–1781), *Джован Франческо Антонио* (1708–1763), *Пьер Алессандро* (1714–1780). Джован и Пьер прибыли в Россию в 1739 г. по рекомендации русского посланника в Париже А. Д. Кантемира. — См. более подробно **примеч. 16 к статье М. Алексеева**.

⁵ *Фридрих Генрих Штрубе де Пирмонт* — см. выше отрывки из его произведения и о нем в наст. изд.

⁶ Первая лекция публикуется в настоящей антологии.

⁷ *Иван Никитич Болтин* (1735–1792) — русский историк, гуманист, генерал-майор..